

**К 70-летию Победы в Великой
Отечественной войне.**

«Дети войны»

**Яков Процай
г. Лермонтов, 2016 г.**

**При поддержке
Центральной библиотеки
МКУ ЦБС г. Лермонтов.**

**Редактор - Моисеева Ксения
Фото - Янтор Воронков**

2016 год.

«Дети войны» Детство и юность

*Тот досконально жизни не узнает,
Кто в детстве жуткий гнев войны он на себе не испытал.
Кто в детстве много не страдал
И холод, голод на себе он не изведал...*

Это выражение заставляет нас задуматься, ведь оно появилось не просто так, а в результате перенесённых страшных мук и страданий целого поколения народа Великой Отечественной войны и после её окончания. Это надо было испытать на себе в жизни, особенно в детском возрасте, чтобы об этом судить в полном объёме.

На кануне празднования 70-летия Дня Победы Советского народа в Великой Отечественной войне над фашистскими захватчиками, руководитель партии КПРФ и член Государственной думы Г.А. Зюганов выступил с предложением называть всех детей, родившихся в период начала и конца войны 1941 г. по 1945 г. «дети войны», проявить к ним заботу и внимание со стороны государства. Их жизнь показала, что они этого заслужили.

Станица, в которой родился я и мои друзья – одногодки, о которых пойдёт речь, называется Ново-Роговская, а находится она на юге Ростовской области. Основана она была в большей степени казаками, в конце восемнадцатого века по указанию царя для заселения пустующих земель. В помощь переселенцам, ехавшим по собственному желанию, выделялись небольшие гроши в размере пяти золотых. Место, куда переселились наши предки было безлюдное, голые степи, рядом протекала река, небольшая. Со временем её перегородили дамбой, по которой можно было сообщаться с одного берега на другой и заниматься рыбалкой, ведь казак без рыбаки – не казак. Первыми отличными рыбаками проявили себя мужчины по фамилии Бех, поэтому и речку в их честь начали называть Беховой. Казаки на месте сами решали, что и как им называть. Место, где они поселились, вскоре начали называть «Лосивкой». Это название происходило от животного – лось. По преданию, в эти места до прихода человека на пастбища заходили небольшие стада лосей, которые и были замечены людьми.

По мере заселения этих мест людьми, лоси

постепенно исчезли и переселились в другие места, в горы на юг, а место, где окончательно остались жить казаки, в честь животных стало называться «Лосивкой», а в дальнейшем и первая улица, которая появилась, осталась под этим названием «Лосивка». Когда, со временем, уже образовалась станица, то её стали называть Ново-Роговская, т.к. большинство переселенцев было из станицы Роговской. Мне и моим друзьям-одногодкам и одноклассникам Сушко В., Андрееву В., Цвиркун В., Костенко А., Кучма А., Филь Г., Тюпа Т. И другим суждено было родиться здесь в одно и то же время в 1941 году, одновременно с началом Великой Отечественной войны. Суждено было переносить все тяготы и лишения военных лет, в которые окунулась вся наша страна. Выражалось всё это в холодах, голоде, отсутствии самого необходимого для существования человека – продуктов питания, медикаментов, витаминов, хлеба, одежды. Около двух лет мы жили здесь, в оккупированной немцами территории. Это детство, которое досталось нам, возможно, было одним из самых тяжёлых и продолжительных во всей истории нашей страны. Почти три года наша страна и частично наш регион не пахали землю, не сеяли зерновые культуры для пропитания, не выращивали хлеб. Мы, за годы оккупации, забыли вкус и запах хлеба, потому что его негде было взять, и не было ничего из чего можно было бы испечь. Главное направление все эти годы войны нашего мышления было направлено лишь на одно – как выжить, как прожить день. Немцы, когда заходили во двор, отбирали всё из последних съестных продуктов, что им попадало под руку. Такую тяжёлую участь нам преподнесла война. Война сформировала новый тип детей – «детей войны» и эту тяжесть в памяти оставила на всю жизнь. Вспоминаю подбитый немецкий танк, который стоял в трехстах метрах от деревни, к которому мои старшие братья ходили «в разведку». Из трофеев они принесли только одну немецкую пилотку. Мне она по размерам не подошла, была до самых плеч, что вызвало смех у окружающих. Хорошо помню День Победы над Германией с 1945 года. Те, у кого отцы и братья остались живы – радовались, веселились. Услышав голоса на улице я вышел из дома и увидел четырёх женщин, которые шли обнявшись и пели песню: «..Выпьем за Родину, выпьем за Сталина...» и попросили меня позвать молю маму к ним, но маме было не до них. Война ей принесла печаль, горе на всю жизнь – погиб муж и наш отец. Я зашёл в комнату, где она сидела. В комнате был полумрак, на столе стояла свеча и горела, рядом лежала похоронка на отца. Мама сидела склонив голову и плакала. Звать, конечно, я её никуда не стал. По мере отступления фашистов с нашей территории, в

станицах сразу же брались в первую очередь за восстановление сельского хозяйства, восстанавливать только было некому и нечем.

Многие мужчины не вернулись с войны, остались в основном одни женщины, дети и инвалиды, на плечи которых в основном и легла большая нагрузка. Пахать было нечём, сеять было нечего, так как даже в стране не осталось семян, пришлось покупать за границей. При той нагрузке, которая легла на плечи женщин, матерей, воспитание «детей войны» автоматически отошло на второй план. Мы росли как хотели, как могли, предоставленные сами себе, а взрослые направили все свои усилия на восстановление колхоза. Вначале в нашей станице было организовано два колхоза. Один из них назывался «Полит.отдел». Наша мама, Мария Васильевна, была выбрана в члены правления этого колхоза. Так как в первое время помещения под правление колхоза еще не было, то первые собрания правления проводились в нашем доме, в жилой комнате, вечером, после работы. Мужчины почему-то во время собрания курили прямо за столом, не выходя из комнаты. Очевидно, в сознании ещё остались боевые блиндажи и землянки. У мамы нас было трое ребятишек, мы лежали на печи сверху, и вдыхали горький табачный дым, иногда прятались под одеяло. Со временем здание под управление колхоза выделили на нынешней улице Советской. На работу выходили все, даже дети. Больных в то время «не было» и лечения никакого не было, больницы тоже не было. Основное направление деятельности колхозников было направлено на выращивание зерновых культур, но кроме этого начали заниматься и строительством. Строить умели. Чего стоила небольшая церквушка, построенная ещё казаками в центре станицы. В сороковые годы по указке Сталина её должны были взорвать и уничтожить, как остаток прошлого.

Приехали взрывники, заложили в трёх местах взрывчатку. Первый взрыв под церковью даже её не потревожил. Заложили вторую дозу тратила, произвели взрыв, но церковь только потрескалась в нескольких местах. И только с третьего захода церковь была разрушена. В данный момент решено было построить дамбу через речушку в трёх километрах от станицы. После таяния снегов у дамбы должно было образоваться озеро, на берегу которого построили птицеферму для разведения гусей на мясо. На строительство дамбы было направлено всё трудоспособное население колхоза. Всех работников возили рано утром, а вечером привозили домой. Вечером нам мама успевала варить какую-нибудь похлёбку, а о борщах мы тогда и не мечтали. Из механизации на строительстве был только один новоенный трактор, устаревший. Трактор как мог заготавливал грунт,

затем вручную грузили на брички, ручные тележки и засыпали дамбу. Мы, «дети войны», оставались дома, почти без присмотра, росли сами, как могли, садиков, яслей и в помине не было. Работали ударно, почти без перекуров, подгонять и понукать было некого. Разделения на женский и мужской труд не существовало. Если дома не с кем было оставлять детей, то брали с собой на работу. Мама меня тоже брала с собой несколько раз. Детей пристраивали рядом с погонщиком на бричке, приятного было мало. Дамба получилась около ста метров длину и шириной около восьми метров. После таяния снегов по весне образовалось озеро, на его берегу построили гусятник. В колхозе появилась прибыль.

После окончания строительства дамбы все работники вернулись в свою четвертую полеводческую бригаду, которая базировалась на полевом стане.

Прошёл уже какой-то срок после войны, но своих продуктов, самых необходимых, у колхозников ещё не хватало. Колхоз хоть как-то изыскивал возможности чтобы подкормить работников в бригаде, поэтому всем работникам варили в бригаде борщ и давали чашку борща и хлеба поесть. Это уже был большой прогресс в питании, поэтому многие мамы брали с собой по одному ребенку и на двоих делили паёк. Такая же доля выпала и мне. Меня мама брала с собой постоянно. В школу я ещё не ходил, но уже был близок к этому. Женщины занимались прополкой зерновых культур. Чтобы в поле не было проблем с водой, на водовозке весом около одной тонны, Коля Скорик подвозил воду. А чтобы хоть как-то быть мне на виду, мама пристроила меня к нему на водовозку. У меня появилась и обязанность, чтобы Коля не ездил поперёк рядков, я только вдоль их, я с кружкой и ведёрком подносил женщинам воду, отрабатывал свой кусок хлеба. Моё место для сидения было на облучке, а чтобы было удобно с идти – Коля проём в облучке закрыл травой и тонкими веточками, а сам сидел сбоку. Но я сидел прямо над проёмом и, когда после очередного резкого удара хлыстом волы испугались и резко рванули с места, трава подо мною не выдержала, провалилась в проём, и я следом за нею нырнул вниз, под бочку. В тот момент меня спасла моя наблюдательность. Осматривая и изучая устройство бочки, когда только впервые я её увидел, заметил, что в конце бочки, под рамой, прямо посередине выступает большой болт из бочки прямо до самой земли. Зазор был всего около десяти сантиметров, очевидно болта короче не нашлось. Не знаю как, но падая на землю, в это короткое мгновение моего полёта до земли, я вспомнил про этот болт и что от меня останется, если я просто останусь лежать на земле, и я сразу рванул в боковую сторону бочки. Но я

не успел из под неё высочить окончательно, а только до позвоночника. Заднее колесо бочки всем весом в тонну всё таки настигло меня и переехало прямо по пояснице. Это меня и спасло. Вначале мне не повезло, что я упал, но повезло, что такая машина переехала меня не по голове, не по шее, не по рукам, а чётко по позвоночнику, а то могло бы закончиться трагически. Я помню, как наезжало и сдавливало меня колесо, выдавливая из меня весь воздух, который был в лёгких и я машинально раскрывал рот. Потом я уже ничего не помнил, наверное, было очень больно. Хорошо ещё, что под колёсами была мягкая вспаханная земля. Меня в лежачем положении отвезли домой. Больницы и врачей тогда никаких ещё не было. Участь была одна – лежать неподвижно и ждать, а чего ждать одному Богу было известно. Через месяц стало ясно, что мне ещё крупно повезло – меня не согнуло, не повело. Я стал нормально ходить, боли прошли. Но за лежачим смотреть было некому. Когда я почувствовал себя совсем уже хорошо, мама снова взяла меня к себе в бригаду по двум причинам. Она считала, что с её стороны там будет лучший присмотр и питание, которое в бригаде было лучше домашнего. И я снова очутился на той же самой водовозке с Колей Скорик.

Но случай с переездом мне всё равно напомнил о себе, когда я проходил комиссию в военкомате во время призыва служить в Армии. Рентген не обманешь, он выяснил искривление трёх позвонков, а сам позвоночник был поведён, но страшного ничего не было. С возрастом, случай с переездом мне снова напомнил о себе. У меня боли в пояснице, пришлось несколько раз ездить на лечение на грязи в г. Евпаторию.

Итак, я снова оказался на той же самой водовозке, от которой пострадал ранее. Сейчас я также разносил воду женщинам, но уже не ведром, а только кружкой – обед же надо было отрабатывать. Но мирная моя жизнь долго продолжаться не могла – со мной опять случилась беда, чуть ли не с летальным исходом. Я снова оказался на грани жизни и смерти. Обедать мы с Колей всегда возвращались на полевой стан. Но вначале нужно было по мосту переехать речку на другой берег. Мост был не широкий – около пяти десяти метров. В данный момент мы остановились на берегу, не переезжая речку, чтобы искупаться, охладиться. В это время к нам подошёл табун лошадей на водопой. Табунщик, чтобы в жару освежить лошадей, а заодно и напоить, загонял их в речку, которую они самостоятельно переплывали на противоположный берег. Плавать в таком возрасте я тогда почти не умел, но Коля с этим не стал считаться и предложил мне вариант переплыть речку вдвоём. Вариант был прост: в сутолоке лошадей он хватается за хвост лошади, а я хватаюсь

за его плечи, и мы втроём плывём на противоположный берег. Ума то у меня ещё не было, и я согласился с ним, с его предложением. Когда мы доплыли до середины речки он вдруг резко бросил лошадиный хвост, не ожидая такого движения своего товарища, я автоматически отрываюсь от него и иду ко дну, не успев даже захватить воздуха ртом. Открываю глаза уже в воде, ничего не соображаю, замечаю вокруг себя всё в зелёном цвете, дышать нечем, начинаю задыхаться, барахтаться руками и медленно тонуть. А Коля, бросив меня, поплыл к берегу. Участь моя на летальный исход была уже почти решена, но мне снова повезло. Меня спасло одно, что мост был рядом, а по нему в это время шёл табунщик с товарищем, вслед за своими лошадьми. Увидев, что я тону, они бросились в воду и вытащили меня из воды. Когда у Коли спросили почему он не стал держаться за хвост, он сказал, что у него обгорелые плечи и ему стало очень больно от моих рук, и он не выдержал, оторвался. Мужчины меня откачали, а мне пришлось вырвать всё из желудка, что там было. Нас табунщик уже и близко не подпускал к лошадям после этого. Коле от этих мужчин досталось больше, он уже сам их обходил дальней дорогой. На этот раз мне снова повезло, хотя я был уже у последней черты, хорошо ещё что мужики были в нужном месте в нужное время. После этого моя мама навсегда забрала меня от Николая и от водовозки, но меня всё равно нельзя было ещё оставлять дома одного. Подумав, она меня пристроила к кузнецу в кузню, где до войны работал мой отец. В кузне я помогал как мог, подбрасывал уголёк в горн, подносил железки. Ему со мной тоже было не так скучно, а меня уже тогда тянуло к железу, слушать его рассказы о войне. Очередное лето в моей жизни закончилось. Всё что случилось – осталось только для истории, но я остался жив, а это главное. Благодаря бригаде я был накормлен, в то время это был большой плюс. Положение «детей войны» было не стандартное, каждый день можно было ожидать что-нибудь неприятное. Моя мама попросила зимой моего старшего, на два года, брата после работы отогнать бричку в четвёртую бригаду. Он согласился, и они с другом Гришей Филь поехали в бригаду. Но мы тогда были очень самостоятельные, ничего не боялись, шли на компромисс, из-за чего и страдали. В том же самом месте, где я чуть не утонул, они решили эту же речку не переезжать по мосту, как все нормальные люди, а ехать по льду, почти так же как мы с Колей Скорик. Но доехали они только до середины реки, почти до туда же, где мы с Колей доплыли и их бричка продавила лёд, и начала погружаться под воду. Исход должен был получиться печальным – упакованные в ярмо волы утонули бы, но ребята их решили спасти. Мы тогда на это были способны. Немного раздевшись,

они опустились в ледяную воду, вытащили занозы, которые крепят волов и вытащили их на берег. Бричку вытаскивали уже взрослые. Отвели волов на стан, чуть согревшись, мокрые побежали домой, на «радость» родителям. У мамы, в таких случаях, от простуды было одно лечение. Обливаясь слезами, она деревянную бочку заполняла горячей водой, сажала в неё больного и накрывала попоной, оставив отверстие для дыхания. Других способов лечения от простуды в то время не было. На нашей улице практиковалось ещё лечение у детей горла, а что это была за болезнь, никто не знал. С любой болезнью горла мамы вели своих деток только к ней, пожилой женщине по фамилии Гончар. Меня она тоже лечила много раз и помогала, за что я ей благодарен. Никаких медикаментов в её лечении не присутствовало. Больного она сажала на маленькую скамеечку, напротив горящей печи. Свои ладони она заводила в печь для подогрева, чтобы были тёплые. Затем тихонько массажировала горло, шею, при этом она не прекращая шептала молитву. Она акцентировала своё лечение на притяжании молитвы, хотя я был убеждён, что всё лечение происходит от массажа, а не от Бога. После двух процедур – болезни как не бывало, боли пропадали, а Бог помог или массаж нам было уже не важно. Вот таким способом тогда лечились «дети войны». Время было тяжёлое для всех – для детей и для взрослых, но нужно было хоть чему-то радоваться. Одна сторона детства нам нравилась. Это было детство вольное, свободное в мыслях и поступках, бесшабашное. Но иногда от этого страдали. Мы весь день были лишены того ежеминутного надзора родителей, воспитателей. Как жить, как себя вести, мы решали сами в любых ситуациях, даже в опасных для жизни, но самое главное – нас такая жизнь ничему плохому не научила, потому что главная цель у нас была одна – выжить! У нас в детском сознании витал каким-то образом злой дух войны, который только ещё больше нас сплачивал и звал к добру, помогать друг другу. Все мы были голодны и раздеты, но каждый из нас пытался хоть чем-то помочь соседу, другу. Вот почему страна после войны в короткое время поднялась из пепла и окрепла, а через 16 лет первая запустила в космос человека. Сейчас страна изменилась, изменился и народ. Мы, в поисках пищи, витаминов, которых у нас не хватало, искали разные пути. Заканчивался первый класс нашей учёбы. Контактируя с более широкой публикой своих сверстников, мы узнали какими травами на лугу можно пополнить свой дефицит в витаминах безбоязненно. К одной из таких трав относилась трава под названием «козельцы». Откуда такое название и как оно именуется в науке мы не знали. Знали мы только одно, что его хорошо едят козы и не страдают от этого. Себя мы тоже в дозе не ограничивали.

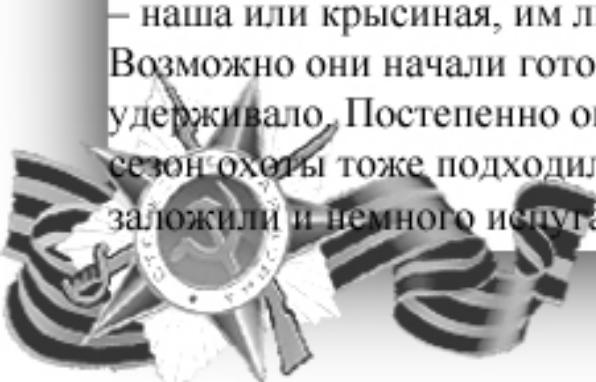
А вот на второй травке мы немного пострадали. В нашем маленьком коллективе стало известно, что есть ещё одна травка, очень вкусная по тем временам, а главное сладкая, чего у нас не хватало. Называлась она – «солодка». Место где она растёт, мы вычислили и разыскали её. Росла она на склоне речки в станице, где жил Коля Колесник. В употребление идёт только корень, он длиною около полуметра. Корень надо было очищать и затем разжёвывать, сок проглатывать. Но мы, не зная меры, и наглотались. Похоже, витаминов в ней очень много, но надо было знать меру, а мы набросились на неё совсем не думая о последствиях, а всё потому что в нашем рационе отсутствовал сахар и конфеты, а здесь сладость сама в рот лезет. Присмотра никакого, что хочу то и делаю, что хочу то и ем. С голодухи мы так напробавались, что к приходу родителей с работы наши лица уже было не узнать, всем стало плохо. Кожа на лицах пожелтела, лица опухли, глаза заплыли и не стали открываться, одни щёки остались. Вот мы родителям задали задачу. Пришлось сознаться как на духу. Срочно они собрались на консилиум решать, что с нами делать. А что делать? Врачей в станице нету, спросить не у кого. Решено было отпаивать нас водой хоть до самого утра, лишь бы ничего с нами не случилось, а в желудке от солодки не осталось и следа. Этим мы и спаслись, все остались живы. Втихаря от родителей нас тянуло на сладкое, мы употребляли иногда солодку, но только по одному стеблю.

Закончился первый учебный год тревожно, но без потерь. Наступало лето, а с ним и купальный сезон. Мы уже немного повзрослели, а проблемы у нас остались всё те же – голод. Мысль у нас всегда работала в этом направлении – жизнь заставляла думать и искать пути для спасения. Ходили мы на речку, а в ней водились раки, а раки – хороший деликатес и мы потихоньку их начали ловить и употреблять в пищу прямо на берегу. С собой на рыбалку мы всегда брали котелок, в котором можно было варить раков. Раки у нас были как дополнительный паёк к бедной домашней пище. В данный момент мы развели костёр, установили котелок с водой для варки раков, а сами полезли в воду на промысел. Через какое-то время к нам подошли наши подружки-одноклассницы Галя Филь и Тамара Тюпа. Они своим родителям носили обед на ферму, а затем по пути зашли к нам. Но мы не стали вылезать из воды, и разговор у нас не получился, так как у нас дело было поважней. С собой на ферме они, ради интереса, захватили большой кусок, весом около пятисот граммов, «технической соли», как у нас её называли, а предназначалась она только животным в отаре. Уходя, они предложили её, шутя, нам, к обеду, но мы от неё отказались. Ничего плохого не думая, они эту соль бросили ради шутки в наш костёр.

Эта соль формировалась веками, была очень твёрдая, кристаллическая. Чтобы её разрушить нужна была большая сила, или высокая температура. При слабом подогреве, медленном, она рассыпается как мука. При сильном быстром подогреве эта соль не выдерживает напора кристаллов внутри себя и взрывается от их смещения, как граната, что у нас и случилось. При взрыве наш костёр разнесло полностью по сторонам. От него ничего не осталось. Ничего не осталось и от нашей одежды – она вся сгорела, пока мы ныряли. Взрыв под водой мы не слышали, поэтому ничего спасти уже не смогли. Домой мы ушли как бедные сироты – в одних трусах. Но нам опять повезло всем. Если бы мы сидели вокруг костра, то среди нас могли бы появиться жертвы и инвалиды, так как при взрыве этой соли осколки разлетаются с большой скоростью. Уже в который раз за наши добрые намерения, добрые стремления пришлось страдать и детям и родителям. Уходя на работу на весь день, наши мамы просили и предупреждали осторегаться всего, что может для нас кончиться плохо, непредсказуемо. Мы об опасности тоже всегда думали, но делали своё – что нам хочется, что нам поможет выжить. В один из дней нашего купания, рядом с нами расположились девочки разного возраста. Одна из них, которая была старше всех, решила переплыть речку. Основание для этого у неё было. А вот показать всем что она всё может, это она сделала зря, за что и поплатилась. Она сумела доплыть только до середины реки и утонула. Нам, ребятам, тоже много приходилось рисковать, но наш риск был оправдан, частично. Учась в школе, мы ещё больше чувствовали себя самостоятельными и свободно уже перемещались по станице. В центре станицы мы случайно увидели магазин по приёму пушнины. В нём за копейки принимали шкурки мелких животных – крыс, сусликов, хомяков. Сколько я не крутил мозгами, что можно сшить из шкурки сусликов, какую шубу, так и не придумал. Кончалось очередное наше лето, наступала зима.

В станице прошёл слух, что скоро могут привезти и показывать в клубе кинофильм. Ажиотаж был большой вокруг этой новости, так как фильм в Роговке еще не показывали, и что это такое никто не знал. У нас, у пацанов, была своя беда – в семейном кошельке ни у кого не было ни копейки, потому что зарплату, если её можно было так назвать, в колхозе выдавали только хлебом – пшеницей. Случайно кто-то из друзей узнал, что в сараях четвёртой бригады, где зимует скот, много водится крыс, а шкурки их, них дороже чем из других зверьков. Несколько шкурок таких сдать и хватит сходить в кино. Посмотреть кино у нас был большой интерес, больше узнать о стране, так как ни радио, ни газет в станице еще не было. В сложившейся ситуации опять всё зависело только от нас самих, что сами

что сделаем, такой и будет результат. Задача опять была для нас, пацанов, не из простых. Все наши детские мысли останавливались на пушном промысле, на четвертой бригаде. Ажиотаж с кино захлестнул не только взрослых, но и детей, в том числе и нас. Характер у нас был, если что задумали, умрём, но сделаем. Наша мама в нашей новой затее сильно нам не перечила, тем более, что всёго того, что нас ждёт, мы ей не рассказывали. Начали ходить мы на охоту зимой один раз в неделю, в субботу, после школы, с ночёвкой в бригаде, захватив с собой нужный инвентарь. Спали в неотапливаемом помещении на земляном полу, прежде подстелив на пол соломки, чтобы не так ощущать холод, спали клубком. Иногда перед сном на полу жгли дрова, а затем проветривали комнату. Рисковали спать в таком холодильнике, но на этот раз нас пронесло, никто не простыл. Ночью мы выходили на охоту, обычно с вечера, шарили по сарайям, в это время крысы тоже выходили на свой промысел. Когда были зимние каникулы, то оставались с ночёвкой и на два дня, чтобы возвращаться с добычей. Наша артель в основном состояла из трёх-четырёх человек. Все были одногодки-одноклассники. Нам тогда еще не было и десяти лет. В основном на охоте нас беды обходили стороной, но однажды одного товарища крыса ухватила зубами за руку и началось покраснение кожи. Родители забеспокоились, у кого-то нашли самогонку и начали промывать ею рану. Всё обошлось, но парня с нами больше не пускали, как нам всем не запретили – непонятно. Риск на охоте был. Эти грызуны болеют чумкой, а это опасно. В один из вечером мы возвращались с добычей домой и вдали увидели волка, одного. Он шёл за нами до самой станицы. Он потихоньку шел, параллельным нашему, маршрутом. Одним визитом волка не закончилось, это было только начало. Через неделю волков было уже двое, и шли они так же до самой станицы, не приближаясь к нам и не отдаляясь. Мы на них пока реагировали спокойно, так как нас было четверо, и они боялись сильно приближаться к нам, хотя мы уже чётче просматривали их глаза. Ещё через неделю их уже стало трое, и это нас даже напугало. Проанализировав появление и поведение волков, мы пришли к выводу, что они выходили на нас только тогда, когда мы шли с хорошей добычей и от нас исходил свежий запах крови. А этот запах излучали шкурки, которые были в крови. Волкам было всё равно чья кровь – наша или крысиная, им лишь бы была кровь, которой можно поживиться. Возможно они начали готовиться к нападению на нас, но что-то ещё удерживало. Постепенно они с нами сближались. Зима уже заканчивалась, сезон охоты тоже подходил к концу, финансовый задел мы для себя тоже заложили и немного испугавшись волков, мы всё-таки решили больше уже

не выходить на свою охоту. Всё же риск был большой, глядя на этих зверей, на их светящиеся глаза в открытой степи. Да и были то мы ещё совсем маленькие. Если бы что-то случилось, то в степи помочь ожидать нам было ждать не от кого, и мы решили больше не выходить на свою охоту, поставить на этом точку. По собственному желанию, но немножко не совсем, мы преждевременно закончили зимний охотничий сезон, и его результатами мы остались довольны.

Время шло и мы в мыслях уже начали думать, что же нам делать дальше, летом. Мы уже так заразились, что без серьёзного дела спокойно не спалось, а всё потому, что хотелось немножко лучше жить, ходить в кино, купить сто граммов конфет «подушечки». Решено было в узком кругу друзей продолжить пушной промысел летом. Только уже охота велась бы на других зверьков – суриков и хомяков, потому что даже без этих мизерных копеек, которые нам удавалось добывать, жизнь казалась нам неполноценной, скучной. Родители в наши дела не совались, но иногда давали советы. Наступило лето, мы закончили очередной класс и снова взялись за подобный зимнему, промысел – добывать шкурки зверьков. Лучше всего для ловли подходили капканы, но у нас на них ещё не хватало денег, поэтому мы пошли по более простому пути. Каждый выходил на охоту со своим ведром. Находили водоём, где ведро наполняли водой, шли по степи, выискивали норы, заливали их водой. Зверёк в норе под водой долго не мог сидеть, вылезал наружу, где мы его руками и ловили, а затем снимали с него шкурку. Желающих, среди таких же «детей войны» как мы, добывать копейку таким способом в станице было много. Но мы еще научились тому, как можно употреблять суриков в пищу. Как мясо мы брали задние лапки, зажаривали на костре и ели, но прожаривали сильно, чтоб от них не заболеть чумкой.

Голод нас толкал на непредсказуемые шаги. В отсутствии рядом родителей, которые с восхода до заката работали в поле, у нас выработался свой собственный стиль мышления – самостоятельность, инстинкт самосохранения, смелость, но иногда мы и страдали от этого. Прошло незаметно ещё одно лето, затем зима. Громовые раскаты войны потихоньку отдалялись во времени. С самого раннего детства жизнь нас толкала и приучала всё время трудиться, что-то искать и находить, эти наши безысходность, голод, холод и нищета. С годами у нас прибавился ещё интерес к познаниям, тяга к чему-то новому, неизведанному, а затем мы уже сами привыкли трудиться и не сдаваться, не сидеть без дела на шее родителей.

Наступило очередное лето. От своих друзей-одноклассников я узнал, что таких как я набирают работать на колхозный огород, так как взрослых не хватало. Работа была не тяжёлая, при помощи мотыги менять направление потока воды. Одним словом работать поливальщиками. Родители нам дали добро и нас взяли, но мама меня отпустила работать с одним условием. У нас на привязи в огороде была коза, в обед я должен был прибежать домой, распутать её если она запутается, и напоить водой, что я и начал делать. Расстояние от работы до дома было около километра, а чтобы его сократить я в узком месте переплыval речку Бехову, а затем снова бежал, чтобы уложиться в обеденный перерыв. Я всё время успевал, но однажды со мной случилась неприятность. Нельзя бегать, напрягать мышцы ног, а затем лезть в холодную воду и плыть. Я, перед очередным заплывом, сильно нагрузил ноги и меня, на середине реки, схватила судорога. Вещь очень неприятная, которая иногда заканчивается трагически, но я к ней был готов. Я погрузился под воду, перестал плыть, обхватил обеими руками ступни и сильно, несколько раз, резко рванул на себя вверх. Этим я и спасся. Больше я после бега не лез в воду и не переплыval никогда то место по дороге домой, а только обходил. Моих товарищей, друзей этим летом отработало не мало, а нам, детям, было только по тринадцать лет. Мы уже приносили пользу и семье и колхозу, мы зарекомендовали себя настоящими тружениками.

Незаметно проходила учёба. Уже в восьмом классе оставалось два месяца до его окончания, когда нам объявили, что по всей стране, и в нашей школе тоже, организуются школьные ученические, производственные бригады. Членами бригады могут быть только ученики, которые окончили восьмые и девятые классы, физически здоровые. Мы как раз и подходили под эту категорию. Сомневающихся вступать или не вступать не было.

Руководителем этой бригады был назначен наш любимый преподаватель математики Гулякин Г.М.. Место нашего базирования было выбрано в роще четвёртой полеводческой бригады. Топорами и ножовками мы очистили рощу под собственное жильё и получилась новая наша «Республика ШКИД». Работали мы в основном в поле, где нужны были наши руки. Пищу готовили нам свои повара. А обедали на своей базе. Жить нам там очень нравилось, хотя ни света, ни телевизора не было. В свободное время занимались спортом.

Доверили нашей бригаде одну «научную работу» - вырастить новый сорт кукурузы, гибрид. Эта команда поступила откуда-то сверху. Через каждые два рядка были посажены два разных сорта кукурузы, а чтобы получился в результате один сорт, надо было после созревания метёлок на одном

сорте-двух рядках, метёлки обрывать полностью, чтобы опыление производилось только одной пыльцой. В этом случае получался новый урожай – гибрид. Чем мы и занимались, пока не осталось ни одной метёлки. Какой гибрид мы вырастили, нам не доложили. В школьной бригаде мы отработали два летних сезона, начиная с первого июня и пока не был убран урожай с полей. После окончания десятого класса мы уже закончили и с ученической бригадой, с детством. Хлебнули горя мы в детстве очень много. Нас коснулись трудности бытия, невзгоды, лишения, беды. Мы лишены были самого нормального существования. Нормальной жизнью наше детство не назовёшь, но надо было уже думать что делать дальше, как жить уже по серьёзному. По собственным знаниям, полученным в школе, я был уверен в своём поступлении и учёбе в одном из высших учебных заведений. Мама была не против моей учёбы, но вот только учиться было не на что. Своих денег у неё не было, одна надежда была на стипендию. Мои друзья меня потихоньку отговаривали от поступления сразу после школы, но у меня был свой взгляд на учёбу. Я считал, что если мне Бог дал по моим знаниям это сделать, то я должен был себя испытать в поступлении и учиться дальше. Но я оказался не прав и жизнь меня поставила на место.

Детство и юность «детей войны» было очень тяжёлым, пока они не выросли, не стали самостоятельными, пока не стали обеспечивать себя сами, своим собственным трудом, но до этого надо было еще дождаться. Окончив школу, я вместе с одноклассниками А. Кучмой и Лёшой Кучеренко поехали в Ростов поступать в железнодорожный техникум. Экзамены мы с А. Кучмой сдали и поступили, а Лёша экзамены завалил и не поступил. Мне поступление показалось лёгким, хотя мы были из деревни. Особенно математику я решил быстро и ко мне потянулись за помощью городские. Я попытался было помочь, но меня остановил преподаватель – женщина, и пригрозила наказанием. Могла и удалить из аудитории. Городские меня удивили, были они слабее нас, сельских, хотя раньше о них я был совсем другого мнения. Во время поступления в ВУЗ я всегда благодарил наших школьных преподавателей, а особенно Г.М. Гулякина и Г.А. Титенко, за их большой труд и вклад в наше обучение. У них к ученикам был свой подход, могли всегда помочь, подсказать. С нами они разговаривали на равных, как со взрослыми. Это нас как-то стимулировало и притягивало к их предметам и к ним. К их предметам мы относились очень серьёзно. После зачисления в техникум у нас было ещё свободное время и мы решили познакомиться поближе с городом, а затем уже на несколько дней съездить домой в Роговку. Из всего увиденного нам

больше всего понравилось мороженное, которое мы раньше и не видели, и не пробовали. Заболеть от него мы не заболели, а вот деньги на обратный путь мы все проели. Посчитали мы все свои денежки и прослезились – у нас их осталось только на одну четвертую часть всего пути. Когда заходили в вагон, была надежда, что кондуктор за нас забудет и мы «зайцами» доедем до своей станции, но кондуктор нас высадил согласно купленным билетам на станции «Кагальницкая», в двенадцать часов ночи. Без денег, без билетов, мы оказались на чужой станции, на перроне, ночью. Пока поезд стоял, у нас уже созрел свой план. Как доехать этим поездом домой. Мы подождали, когда закроются двери вагонов, затем быстро взобрались на крышу вагона, ухватились руками за железки между вагонами в том месте, где идет сцепка. Нам не нужен был комфорт, нам надо было доехать и мы доехали до нужной нам станции Атаман.

Посередине вагона, на крыше, где мы сидели, проходил стык из листового железа для жесткости, за который мы держались, чтобы не свалиться поезда, особенно было страшно на больших перегонах, когда скорость была большая и вагон сильно раскачивало. Это было намного страшнее, чем холод и пронизывающий ветер, которым нас обдувало, но мы терпели, более двух часов. Закончив школу «хорошистом», берега моей мечты простирались далеко и в розовом цвете, что у меня теперь всё получится так, как я захочу, а получилось всё не совсем так, как я мечтал.

Началась учёба в техникуме. Для проживания предоставили общежитие. Первое время питанием служило то, что привёз с собой из дома, а вот денег было не густо, одна надежда была на стипендию, которую нам пообещали выдавать с первого месяца учёбы. Лекции, которые нам читали, не казались мне слишком сложными, всё понимал, всё усваивал, но с недостатком питания постепенно подступала тревога – как продолжать учёбу. Из-за постоянного голода уже ничего не лезло в голову, мало чего усваивалось, лекции уходили на второй план. Закончился первый месяц учёбы, а стипендию не выдали. Пошли слухи о том, что деньги на техникум не выделили, поэтому и перечисления никакого не было, а когда перечислят, никто не знал. Учеба постепенно отходила на второй план, а на первый план выходил вопрос – как жить, чем питаться? Заканчивался второй месяц учёбы, а картина была всё та же. В группе я познакомился с одним парнем по имени Вадим. Родом он был из Краснодара, происхождение у него было такое же как у меня, но деньги у него были, я начал у него занимать под стипендию, но отдавать было нечем и он начал меня шантажировать и притеснять. Он мне предложил вариант, от которого я отказался. Я был напуган и шокирован. Он мне предложил преступную деятельность –

заниматься так же как и он карманными кражами у пассажиров троллейбусов, начиная с Железнодорожного вокзала и до Нахичеванского базара. Так было поделено, а вторую часть маршрута, начиная от рынка и до последней остановки «обслуживала» другая группировка, нарушение маршрута строго каралось. Мне нужно было срочно порвать отношения с этим человеком и не находиться поблизости от него, так как он был не один, и меня это уже страшило, а на вид он был такой нежный и ласковый. Они «работали» всегда вдвоём, по одиночке не практиковалось, второй был для прикрытия. Возможно у них не хватало одного напарника, поэтому и взялись за меня. Мне надо было резко и навсегда порвать с этим человеком Контакт с ним меня страшил и я начал забывать, что я учусь в техникуме, в голове были одни негативные вопросы, и их было очень много. Не видя выхода из создавшейся ситуации, хотя это было не в моём характере, я решил порвать с техникумом и подал заявление на уход. Мои друзья Коля Караван и Коля Свинарёв были правы, когда мне советовали сразу после школы не поступать учиться в городе, а сначала надёжно обустроить свою жизнь материально. После ухода из техникума, я решил вначале окончить техническое училище, получить специальность, устроиться на завод по направлению, зарабатывать самому на жизнь, а затем поступать в институт на вечернее отделение и не от кого уже не зависеть, так как помочь было ждать не от кого, но мне нужно было съездить домой к маме. Я начал думать, где мне взять два рубля на билет, на поезд, чтобы доехать домой в Роговку. В Ростове жила знакомая мамы, у неё были две замужние дочки Нина и Надя, по возрасту в два раза старше меня. Нина жила ближе и я поехал к ней за помощью. Нина была дома одна, а её муж Валентин был на работе. Он работал в кафе «Отдых» шеф-поваром. На работе он задержался почти до самого утра – они следующей смене готовили блюда, поэтому он пришёл уже ближе к утру и хорошо выпившим. Увидев меня спящим, он с кулаками набросился на жену, обличив её в измене. Мне ли об этом было думать? В таком состоянии. Досталось и мне. Наспех набросив на себя одежду, мы с Ниной выскочили из квартиры. Нина, конечно, никаких денег не успела захватить. Плохо, что вечером она мне их не вручила. На улице она мне дала адрес Нади, куда я и поехал за помощью. Надя жила с мужем Ваней, детьми и мамой. Я рассказал им всё, как было, они все поняли и пообещали дать мне денег на дорогу, а вот покормить забыли и даже не спросили об этом. Вспомнили, что Ване нужно, чтобы я ему немного помог на даче состройкой, а после окончания они всем обеспечат, и мы с ним уехали работать. Пока мы с Ваней работали, Валентин ни грамма не пропрезвев, всю эту гадость, которую сам придумал, начал по телефону

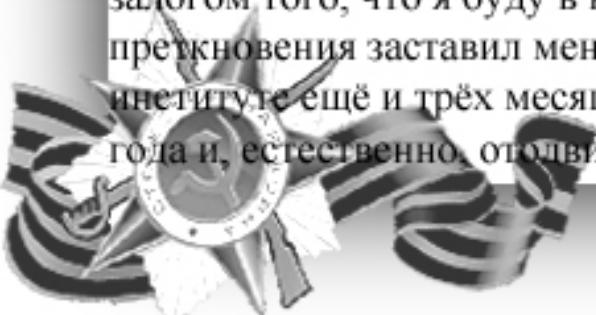
докладывать тёще, какая у него плохая жена и с кем связалась. А родственники ему поверили и пришли к выводу, что это я во всём виноват, который моложе её в два раза. По приезду нас с Ваней с дачи тёща нас встретила холодно, с негодованием ем во взгляде. Сумка моя уже стояла на лестничной площадке, а мне указали на дверь, на выход. Мне ничего не оставалось, как повернуться и уйти голодным и без копейки в кармане. Хотя бы кусок хлеба дали за работу. А Ваня тоже не мог проявить мужской характер, чтобы вначале разобраться, как-то мне помочь. Состояние было - хуже не придумаешь. Куда ещё идти и к кому я уже не знал и не мог придумать. Долго сидел и думал. Порылся в карманах плаща, нашёл там кусочек старой, заплесневелой ливерной колбасы, съел её. Вспомнил одного товарища по группе, с которым учился в техникуме. Это был Серёжа из города Туапсе. Он уже немного играл в футбол за команду «Локомотив». Он был вратарь. Меня он тоже раньше приглашал на тренировки. Несколько раз я приходил с ним. Ему моя игра нравилась, но при плохом питании у меня не было сил заниматься спортом. Мне он нравился как человек, с ним мне и надо было дружить, возможно и жизнь пошла бы по другому. Он бы во много мне смог помочь, но при моём состоянии мне было не до тренировок, поэтому и дружба у нас не получилась. Со своим бывшим школьным другом А. Кучмой мы почти не встречались и не виделись. Обо мне он почти ничего не знал и не интересовался, что со мною. Но сейчас я всё-таки не пошёл к нему, а поехал к Серёже, тоже мой сокурсник. В душе он был ближе и добреее многих. Серёжа долго не спрашивал меня зачем и для чего мне нужны деньги, и почему я раньше, до ухода из техникума не обращался к нему. Он дал мне денег намного больше, чем я у него просил, и всё таки просил не бросать техникум. Отец Серёжи работал в г. Туапсе на железной дороге начальником, поэтому деньги у него были, а в техникум вернуться я уже не мог. Меня страшила окружающая обстановка, негативная и опасная, отсутствие средств к существованию. В такой ситуации оказались очень многие «дети войны», а выход находил не каждый, многих подстерегал и криминал, как моего товарища по техникуму Вадика. Криминал в послевоенные годы в больших городах расцветал широко, распускал свои щупальца и на «детей войны». Эта голодная, босая категория детей была в этом плане очень уязвимая, незащищенная. Особенно страдали дети, у которых отец не вернулся с войны, их легче можно было втянуть заниматься преступлениями, живой пример налицо – Вадик. Я не ожидал, что таким печальным концом закончится мое детство, мое начало вступления в самостоятельную жизнь, связанную с учёбой, о которой я так

сильно мечтал. Подвела меня моя самоуверенность и отсутствие материальной поддержки со стороны государства, а мне стипендия нужна была как воздух.

После ухода из техникума я вернулся домой, в Роговку. Свой уход из техникума я маме рассказал вкратце, чтобы её не расстраивать, а ей оказалось достаточно одного моего жалкого вида, чтобы всё понять. Теперь надо было думать, что мне делать дальше. Свой план дальнейшей своей жизни, учёбы я изложил маме, она была согласна со мною. Смысл моего плана дальнейшей жизни был такой, чтобы в финансовом плане ни от кого не зависеть, и я взялся за его осуществление. Очень много «детей войны» способных, одарённых в знаниях не смогли сразу после школы осуществить свою мечту в дальнейшей учёбе в ВУЗе. Жизнь таким детям подготовила много разных судеб. Судеб трудных и печальных, но только лёгких судеб было мало. Я это испытал на себе. Находясь в Роговке, я встретил своих друзей-одноклассников М. Гулякина, В. Стукалова, Л. Кучеренко, В. Глоба, которые собирались уезжать в Ростов для поступления в ТУ № 8, учиться на слесаря-сборщика. В училище всё подходило для того, чтобы в нём учиться. Амое главное – стипендия была гарантирована и с последующим распределением на работу на вертолётный завод. Такой вариант учёбы мне подходил и мы, все пять человек, уехали поступать в это училище. За время учёбы в училище не было ни разу, чтобы нам задержали выдачу стипендии, как было в техникуме.

Параллельно с учёбой я готовился поступать и в институт РИСХМ. Через год мы закончили училище и я полностью сосредоточился на поступлении в институт. Распределение после училища мы получили на завод, работой и заработной платой мы были обеспечены, на душе впервые стало легче. Прошло ещё немного времени и я успешно сдал экзамены в институт на вечернее отделение. Теперь дальнейшая моя жизнь зависела только от самого себя, от моего старания и стремления учиться.

Но главное в моей жизни произошло то, что минул тот трудный, тяжёлый, голодный период детства «детей войны», закончилось детство и юность «детей войны» и каждый из нас уже пошёл своей дорогой, которую он уже выбрал сам. У меня всё начало складываться хорошо, почти так, как я думал и мечтал. Первую ступень своей мечты я осуществил - получил работу, гарантированный заработок, поступил в институт. Это было залогом того, что я буду в нём учиться и окончю его. Но снова камень преткновения заставил меня поволноваться. Не успел я проучиться в институте ещё и трёх месяцев, как меня забирают служить в армию, на три года и, естественно, отодвигают мой учебный процесс. Я относился к

категории «детей войны» и как раз подошёл наш черёд служить в армии, а полного набора призывников, по известной причине, в стране не хватало, поэтому меня и призвали служить с вечернего факультета института. Отлучение от учёбы я переживал сильно, но сделать ничего не смог. Армия расширила мой кругозор познаний своей страны. После первого года службы в западной Украине я был направлен проходить дальнейшую службу на дальний восток. Мне пришлось пересечь матушку-Россию до города Владивостока, увидеть все природные прелести Уральского хребта, озера Байкал и Забайкалья. Третий этап моей службы на севере начался с морского плавания, с берега Татарского пролива, у острова Сахалин, из города Советская Гавань. А закончился на Чукотке, где я прослужил до демобилизации. О службе на севере я написал повесть «Север». После демобилизации из армии я, уже без всяких проблем, продолжил учёбу в институте и окончил его уже спокойно.

Наконец-то осуществилась полностью моя мечта – я окончил институт, минуя все трудности военного времени, без чье-либо помощи, надеясь только на себя, на своё упорство и упрямство, из бывших моих одноклассников – «детей войны» высшее образование получили ещё девять человек. Вот их фамилии: Н. Процай, У. Харитонова, И. Бадло, Л. Кучеренко, А. Кучма, А. Петренко, Т. Авакова, Б. Стародубцев, М. Гулякин. Среднетехническое образование получили Г. Филь, Л. Горелова, Л. Пинчук, Н. Коваленко, П. Волошина, военное училище окончили В. Андреев, Г. Костенко. Учёба в ВУЗах всем им далась нелегко, а злую шутку в этом деле сыграла война. Первый и один из сложных этапов своей жизни, этап взросления и становления как личности, я преодолел успешно, что послужило крепким фундаментом для дальнейшей жизни.

**Я о них написал, о «детях войны»
У кого судьба была трудной, не гладкой.
Как смогли они выжить в потёмках страны,
Когда хлеб они ели с оглядкой...**

Это стихотворение я посвящаю своим одноклассникам.

ОДНОКЛАССНИКИ - «ДЕТИ ВОЙНЫ»

Роговка, с тобой я встречаюсь, моя станица
Хоть и редко, но это совсем не беда.
Ты зовёшь нас к себе словно зарница
Снова вспомнить с друзьями былые годы.

Вот и встретились снова, моя сторона.
И где бы ни был я, ты всегда мне нужна.
К тебе заскочил я, чтоб друзей повидать
Жить с ними мне легче и легче мечтать
Судьба подготовила нам встречу с тобой
Шагая по жизни, в душе ты, в мыслях, всегда была рядом со мной.

Друзей многих не вижу, не видно давно.
А то посидели бы вместе, попили бы вино.
Где Лёша Костенко, где Витя Сушко?
Хотя бы всевышний шепнул на ушко.

Всех вас любил, мне ничего не стоит
О прежних вас напомнить, написать.
Какие вы сейчас, меня устроит
Всех вас готов обнять, поцеловать.

Ветер приносит в нашу память
Что с друзьями в Роговке мы встретимся вновь.
Эта встреча всех нас волнует на зависть
В нас горит, не сдаётся горячая детская кровь.

Наши детские шалости, шум наш и гам
Наполняли всю улицу всегда по утрам.
Ну а днём мы бежали купаться к реке
Удержать нельзя было нас на замке.

А сейчас наша улица, как тихая гладь.
Всё во что мы играли уже не видать.
С одной стороны даже жалко смотреть,
А ведь мы тогда были готовы за всё умереть.

Нас толкал комсомол на лихие дела,
Наша удаль на месте стоять не могла...
Что б не мучила совесть, мы делали всё,
Никогда не роптали: «А это не моё».

Себя мы сотворили собственным умом
Нам честь и истина всегда были дороже.
Ничего не оставляли на «потом».
Роптать и хныкать было нам не гоже.

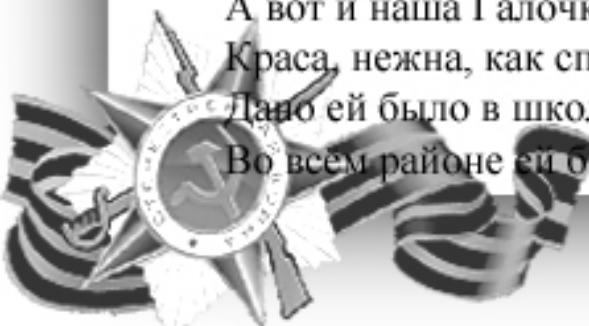
А сейчас мы вспомним, как учились в школе.
Когда глаза горели, глядя на своих девчат.
Когда они красивые и стройные до боли
Нас заставляли, забыв уроки, о них лишь только думать и мечтать.

Девчонки в нашем классе были «золотые»,
Красивые, весёлые, любые.
Красавицам с экрана все под стать.
О каких лишь можно было всем мечтать.

Мы Паву Волошину в классе любили
Всех ребят она мучила своей красотой.
Эти чувства у нас до сих пор не остыли
А она такой и осталась - доброй, весёлой, простой.

У неё мы встречались на званом банкете
Добродушной, весёлой певуньей на свете
Она всех нас уважит, даже песню споёт,
Крепко обнимет и к сердцу прижмёт.

А вот и наша Галочка, Галина
Краса, нежна, как спелая гроздь рябины.
Дано ей было в школе в спорте побеждать,
Во всём районе ей было равных не сыскать.

Широтой и добротой души своей она всех покоряет,
Потому и друзей своих она не забывает.

А вот и наша Тома - красавица, мать.
Бухгалтера трудно было сильней отыскать.
Считала в колхозе она приход и расход,
Чтоб в полном достатке жил в станице народ.

На школьных вечерах нам часто пела Коваленко Надя
На чистом «Лондонском» - английском языке.
Её красивый голос в песне, узнавали мы не глядя,
Про капитана, что «в девушку влюбился от дома вдалеке».

Своим талантом петь она нас покоряла.
А чистотой души своей она любовь к себе сыскала.
Поэтому любимой и осталась она в памяти у нас.
Так в жизни получилось – не поёт она уже сейчас.

А нашим отличницам Тане, Урсане с Надей
Всевышний подарил с детства по «семь пядей»
Интеграл любой она могли решить
И в ВУЗ свободно поступить.

Был в нашем классе математик, спортсмен
Миша Гулякин – добряк, джентльмен.
Пошёл он в науку по дороге отца,
Учил детей в школе всю жизнь, до конца.

Но есть средь нас один усатый,
Он с детства музыкой обнятый
Красив, весёлый, баянист
Андреев Вова, вылитый артист.

А вот друзья по жизни, по футболу
Их дружба началась, когда они ещё ходили в школу
Да так сдружились, что ничем их не разнять.
О дружбе Бори с Колей К. надо лишь мечтать.

Вспомнил я и наших славных педагогов,
Своим талантом указавших в жизни нам дорогу
Титенко Г.А., Гулякина Г.М., что нас в школе учили
Их большая заслуга, что мы потом в ВУЗ поступили.

Они внедрили в нас тайны своей науки.
Желающих их поддержать, понять, уже было не счесть.
Появились в нашем классе математики и лирики
И только их заслуга в этом есть.

Мы окончили школу и все разбежались.
Поднимал из нас каждый свою целину.
Было всем трудно, но мы не сдавались,
Мы ведь в детские годы познали войну.

Мы были и останемся как «дети войны»,
Нас можно назвать ещё «эхом войны».
Миллионы отцов наших погибли в войну,
Защищая Отчизну, народ и страну.

Да, было тяжело, такова наша горькая доля,
Но мы прошли войну и перестройку одолели тоже.
Какая бы не была по жизни трудной колея
С неё свернуть для нас было не гоже.

Своё по жизни мы честно «отпахали».
Трудился из нас каждый, кто как мог.
Грамоты, медали тоже получали,
Не сачковали, видел Бог.

Как по жизни мы шли, нам до боли известно.
Но улыбка наша не сходит с лица.
Наша звонкая речь пусть звучит повсеместно,
Улыбайтесь всему и всегда без конца.

А сейчас собрались мы у Коли К, на наш юбилей
55 лет нашим школьным встречам исполнилось.
Ну-ка Коля, наш «коллега», вина нам налей,
Ведь не зря у тебя все мы встретились.

Ты улыбаешься, шутишь всем бедам назло.
Друзья позвонят тебе, вспомнят, напишут.
Я рад, что с друзьями тебе повезло.
Друзья никого никогда не покинут.
Я рад, что есть у тебя такие друзья,
Без них в нашей жизни ну просто нельзя.

Тихо и весело проходит наш юбилей,
Но уже как когда-то так часто не слышно «налей».
Украдкой смотрели мы друг другу в глаза
Пытаясь всё скрытое временем в них разгадать, распознать,
А время встречи нашей сходило на ней
И чинно, спокойно завершался банкет.

Наш юбилей, как вспышка от другой планеты
Озарил на миг нас и медленно угас.
Но рады были мы, что так случилось это
Мы эту встречу вспомним ещё много-много раз.

Не всех друзей назвал я в этот вечер,
Но все они живут в глубокой памяти у нас,
Их имена мы ещё вспомним в этот вечер,
Ведь все они родной и близкий наш 10-й класс.

Вот и закончился весело наш юбилей,
Наших встреч дата в историю канула.
Никогда о случившемся ты не жалей
О минувшей истории грустить не пристало.

Историю не повторить уж больше никогда
Ничто не повторяется, тем более года.
Такое жизненное кредо.
Но такова всевластная природа,
Так было, есть, и быть тому всегда!

Я. ПРОЦКИЙ.

Ст. НОВО-РГОВСКИЙ.

2014 г.

